

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Н.Е. ТИХОНОВА*¹

¹ НИУ «Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА 2020–2021 гг. ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Аннотация. Вызванный пандемией COVID-19 экономический кризис оказал сильнейшее влияние на экономическое положение и занятость россиян. Наиболее распространенными среди его последствий стали сокращение зарплат и рост нагрузок, а не переход на «удаленку». Ухудшилась и социальная защищенность работников. При этом для разных профессиональных групп распространенность тех или иных последствий кризиса была неодинакова, а с наиболее тяжелыми его последствиями чаще сталкивались рабочие, особенно в негосударственном секторе экономики. Ухудшение положения работающих россиян проходило на фоне дальнейшего сокращения их ресурсообеспеченности. По данному критерию работающее население страны делится на три группы: высокоресурсные руководители и профессионалы; занимающие промежуточное положение полупрофессионалы и рядовой офисный персонал; в массе своей низко- и безресурсные рядовые работники торговли и рабочие. Поскольку ренты на располагаемые ресурсы в России для представителей массовых слоев населения относительно невелики и имеют тенденцию к сокращению, роль рынка труда в стратегиях граждан по улучшению благосостояния постепенно сокращается, а распространенность пассивных и неконструктивных стратегий растет. Низкая ресурсообеспеченность большинства населения страны обуславливает и то, что набор способов поправить свое материальное положение у представителей разных профессиональных групп достаточно универсален. При этом в рамках отдельных групп ресурсообеспеченность значимо влияет и на выбор способов улучшения материального положения, и на полный отказ от этих способов. Все это с учетом специфики ресурсов представителей разных профессиональных групп обеспечивает

¹ Исследование выполнено по гранту РФФИ № 17-78-20125-П.

неодинаковость их устойчивости к кризису, а также эффективности их деятельности по улучшению материального положения, что усугубляет различия между ними.

Ключевые слова: профессиональные группы; последствия пандемии; ресурсы; ресурсообеспеченность; адаптационные стратегии.

Для цитирования: *Тихонова Н.Е.* Последствия кризиса 2020–2021 гг. для различных профессиональных групп российского общества // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С. 46–67. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086

Последствия пандемии коронавируса и вызванного ею экономического кризиса широко обсуждаются как в мире в целом, так и среди научной общественности. Помимо проблем, связанных с последствиями COVID-19 для здоровья людей или работы системы здравоохранения, в фокусе внимания находятся также последствия пандемии для рынка труда и социально-экономического положения населения. Однако при этом обычно не учитывается, что все эти последствия сильно дифференцированы для различных профессиональных групп и работников с разным уровнем ресурсообеспеченности.

Анализ специфики последствий пандемии и вызванного ею экономического кризиса с учетом этих дифференцирующих факторов в нашей стране не только важен для более точной социальной диагностики и оптимизации государственной социально-экономической политики, но и имеет большое теоретическое значение, поскольку позволяет лучше понять, какие именно группы населения являются наиболее уязвимыми в современной России, а также какие ресурсы наиболее значимы для разных профессиональных групп в обеспечении устойчивости их положения.

Не претендуя на исчерпывающее раскрытие данной темы, целью данной статьи мы определили оценку специфики последствий вызванного пандемией экономического кризиса для занятости и действий по улучшению материального положения в наиболее массовых профессиональных группах с учетом некоторых ключевых ресурсов, которыми они располагают. Эмпирической базой анализа выступали данные репрезентативных общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН «Российская повседневность в социологическом измерении» (март – апрель 2009 г., выборка — 1750 человек), а также 3-й (сентябрь – октябрь 2015 г., выборка — 4000 человек), 8-й (апрель 2018 г., выборка — 4000 человек) и 11-й (сентябрь 2020 г., выборка — 2000 человек) волн Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН. Модель выборки во всех этих исследованиях была одинаковой: в рамках каждого территориально-экономического района с учетом данных статистики задавались квоты по типам поселений, полу, возрасту и социально-

профессиональной принадлежности. Во всех случаях интервью проходило при личном контакте с респондентом.

Теоретико-методологические и методические основания исследования

Для реализации цели исследования требовалось определиться с рядом теоретико-методологических и методических критериев. Во-первых, какие именно последствия пандемии и вызванного ею экономического кризиса для занятости должны приниматься во внимание в ходе анализа? Мы исходили из того, что анализ ситуации с занятостью работников традиционно предполагает учет ее характера и устойчивости, размера и регулярности выплаты заработной платы, соблюдения основных трудовых прав и предоставления работодателем дополнительных социальных благ [19; 7; 10 и др.]. А в нынешних условиях должны учитываться также такие новые характеристики, как переход на удаленный режим работы и освоение навыков, необходимых теперь для сохранения занятости.

Во-вторых, учитывая ограничения использованных баз данных, необходимо было выделить профессиональные группы, которые станут объектом нашего анализа. Мы ориентировались на классификацию видов занятий в International Standard Classification of Occupations (ISCO). В ее основе лежит матрица признаков, учитывающая, с одной стороны, *набор видов деятельности*, задачи и обязанности при которых имеют высокую степень схожести, а с другой — *уровень образования*, обеспечивающий способность выполнять задачи и обязанности, предусмотренные этими видами деятельности². На этой основе выделяются обычно 10 профессиональных классов. Однако, поскольку выборки опросов, данные которых использовались в ходе анализа, были относительно невелики, эти 10 профессиональных классов³ были нами укрупнены в ходе анализа до пяти групп, в число которых входили: 1) руководители всех уровней; 2) профессионалы (специалисты, работающие на должностях, предполагающих высшее образование); 3) полупрофессионалы и служащие, работающие на должностях, не требующих высшего образования (медсестры, лаборанты, рядовой офисный персонал и т. п.); 4) рядовые работники торговли и сферы обслуживания (продавцы, кассиры, при-

² Подробнее см.: Классификаторы профессий ISCO. URL: <https://www.hse.ru/rf/ms/rfms/classif/isco> и [20]. Эти же принципы лежат и в основе Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ) (см.: URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/spravochniki-i-klassifikatory-i-bazy-dannykh/okz>).

³ В соответствии с логикой классификатора ISCO предприниматели и самозанятые не рассматриваются как самостоятельные группы, попадая в зависимости от характера их деятельности и требуемого для этого образования в состав руководителей или других профессиональных групп.

емщицы химчисток и т. п.); 5) рабочие, то есть лица физического труда (в том числе неквалифицированные рабочие).

Наконец, в-третьих, необходимо было понять, какие именно ресурсы представителей различных профессиональных групп в первую очередь необходимо учитывать при анализе их роли для адаптации к кризисным условиям. Теоретико-методологической базой для ответа на этот вопрос стал так называемый ресурсный подход к стратификации [1; 2; 4; 9; 11; 21 и др.], предполагающий, что определенные виды ресурсов прямо влияют на место человека в системе общественных отношений, а также на его жизненные возможности. Список таких ресурсов в литературе постепенно расширяется и приобрел к настоящему времени следующий вид:

- экономический ресурс во всех его традиционных видах (деньги, бизнес и т. д.);
- квалификационный ресурс, включая образование и навыки, то есть человеческий капитал⁴;
- социальный ресурс (включенность в сети социальных связей разного качества);
- властный ресурс в различных его видах (политический, административный и т. п.);
- символический ресурс, связанный с престижностью тех или иных характеристик положения и поведения индивидов в обществе;
- физиологический ресурс (здоровье, трудоспособность и т. п.);
- культурный ресурс, выступающий результатом социализации в определенных условиях;
- личностный ресурс (инициативность, ответственность, креативность и т. д.).

Опираясь на наши исследования сравнительной значимости этих ресурсов в современной России [12], согласно которым главными из них являются экономический, квалификационный, властный и социальный, мы сфокусировали свое внимание именно на них.

Последствия пандемии и вызванного ею экономического кризиса для различных профессиональных групп

Как показали результаты исследования, негативные последствия пандемии и вызванного ею экономического кризиса достаточно разнообразны (табл. 1). При этом, как показал факторный анализ (метод варимакс), эти последствия группируются для работающих россиян в четыре основных фактора. Это, во-первых, фактор *потери работы*

⁴ Понятие «человеческий капитал» используется в данном случае в его трактовке Г. Беккером [18].

(в том числе собственного бизнеса). Во-вторых, это *ухудшение условий занятости*, включая задержки зарплаты, неоплачиваемые отпуска и т. п. В-третьих, это *переход на удаленный режим работы*, предполагающий зачастую также освоение дополнительных навыков, связанных с работой в новых условиях. И наконец, в-четвертых, это *рост нагрузок и интенсивности занятости* при сохранении работы и доходов.

Как видно из таблицы 1, бесспорно негативные последствия пандемии уже к октябрю 2020 г. затронули почти 60% работающих россиян⁵, а с учетом такого неоднозначного последствия, как переход к удаленному режиму работы, — более 2/3 всего работающего населения страны. Однако разные профессиональные группы были затронуты теми или иными последствиями пандемии неодинаково. Так, для руководителей были характерны потеря бизнеса, падение доходов и переход на «удаленку». Профессионалы также массово переходили на удаленный режим работы, причем это единственная группа, где самым распространенным последствием первой волны пандемии стало именно это, а не падение доходов. Очень распространен среди них был и рост нагрузок, который испытали также рядовой офисный персонал и полупрофессионалы. Работники торговли чаще остальных страдали от сокращения своих доходов. Однако наиболее ощутимо негативные последствия первой волны пандемии сказались на занятости рабочих, поскольку физический труд, в принципе, невозможно виртуализировать. Кроме того, их пространственная локализация⁶ сокращала для них возможности альтернативной занятости (переход на востребованную в пандемию работу курьера, таксиста и т. п.), которыми могли воспользоваться представители других профессиональных групп, чаще проживающие в крупных городах. В результате именно рабочие, особенно на частных предприятиях, оказались профессиональной группой, понесшей наибольший ущерб от вызванного пандемией кризиса.

⁵ Позитивные последствия пандемии также имели место, но все же были менее широко распространены, чем негативные. Так или иначе они затронули лишь 37,8% взрослых россиян, причем в основном относились к нематериальной сфере: 15,6% россиян стали внимательнее относиться к своему здоровью; 11,6% освоили навыки работы в удаленном режиме или другие навыки, необходимые для того, чтобы получить / сохранить работу; у 6,8% улучшились отношения в семье, с близкими родственниками и т. д. В то же время материальный или связанный с занятостью выигрыш от кризиса получили очень немногие представители массовых слоев — у 1,9% вырос доход, 4,3% нашли новую работу (при этом 4/5 нашедших ее потеряли из-за кризиса старое рабочее место), 0,8% создали новый бизнес (хотя 9/10 решившихся на это — разорившиеся в кризис предприниматели).

⁶ 61,5% всех рабочих проживают в райцентрах, селах и поселках городского типа.

Таблица 1

**Некоторые последствия пандемии для занятости
представителей различных профессиональных групп, 2020 г.,
% от числа работающих***

Последствия пандемии	Руководители	Профессионалы	Полупрофес- сионалы и клерки	Рядовые работники торговли	Рабочие	В целом по работающим
<i>Потеря занятости:</i>						
потеряли работу	12,6	6,3	10,0	13,8	15,9	11,8
потеряли бизнес	5,2	0,9	0,4	1,3	1,6	1,5
<i>Ухудшение условий занятости:</i>						
сократилась зарплата	43,0	28,2	36,3	45,1	47,6	40,0
в связи с кризисом оказались в неоплачиваемом отпуске	14,8	9,9	8,4	16,1	17,9	13,7
в связи с кризисом задерживали зарплату больше месяца	7,4	3,9	6,4	6,7	13,2	8,1
<i>Нагрузки:</i>						
при сохранении работы и доходов повысились нагрузки	14,1	23,7	21,1	11,6	13,8	17,2
столкнулись хотя бы с одним из вышеперечисленных негативных последствий пандемии	61,5	51,7	56,2	58,0	68,0	59,7
<i>Удаленный режим работы и освоение новых навыков:</i>						
перешли на удаленный режим работы	17,8	28,8	13,1	5,8	4,5	13,4
освоили новые навыки работы в удаленном режиме	14,8	18,9	6,4	7,1	5,4	10,0
освоили другие новые навыки, необходимые для получения или сохранения работы	8,1	10,8	4,4	5,4	4,1	6,4
столкнулись хотя бы с одним из вышеперечисленных последствий пандемии	71,1	69,4	64,1	62,9	71,4	68,2

*Примечание: Фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают средние по массиву на 3% и более. Жирным шрифтом выделены минимальные показатели по строке.

Негативные последствия кризиса 2020 г. проявляются, впрочем, не только в тех формах, о которых говорилось выше. Как и кризисы 2008–2009 и 2014–2016 гг., нынешний кризис ослабил позиции работников в их взаимоотношениях с работодателями. В результате, как и в прежние кризисы, в частности в 2014–2016 гг. (рис. 1), сократилось число работников, чьи основные трудовые права полностью соблюдались бы. Более того, уже в сентябре 2020 г. в этом отношении был установлен своего рода антирекорд — базовые права работников соблюдались лишь у 45,4% работающих, притом что в пиковый момент прошлого кризиса они соблюдались у 47,3%. Если же сравнить ситуацию 2020 г. с кризисом 2008–2009 гг., то можно говорить о еще большем ухудшении положения работающего населения. Так, например, оплату отпуска и больничного листа в положенном по законодательству размере в 2009 г. получали 72,8% работающих при 59,0% в 2020 г. Что же касается разного рода дополнительных благ (жилье, транспорт, медицинская помощь, питание, ссуды и т. п.), то их получали от работодателя в 2009 г. 15,0% работающих, а в 2020 г. — лишь 8,8%.

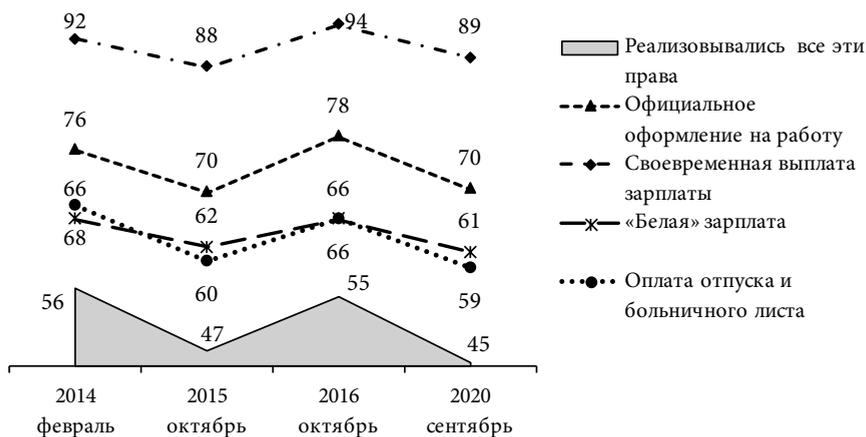

Рис. 1. Динамика соблюдения основных трудовых прав, 2014–2020 гг., % от числа работающих⁷

Конечно, кризисы 2008–2009, 2014–2016 и 2020–2021 гг. имели разную природу и в разной степени затрагивали те или иные группы населения (так, для кризиса 2020–2021 гг. характерна бóльшая отраслевая локализация). Однако данный факт не повлиял на то, что ситуация с соблюдением основных трудовых прав с 2009 г. ухудшалась в ходе каждого очередного кризиса во всех профессиональных группах и секторах экономики. Это в полной мере касается и последнего кри-

⁷ Данные за февраль 2014 г. и октябрь 2016 г. приводятся по: [15].

зиса, последствия которого ощутили на себе из-за общего изменения экономической ситуации и те россияне, работа которых никак не связана с торговлей, гостиничным и туристическим бизнесом и т. д. Так, например, оплату отпуска и больничного листа в положенном по законодательству размере в 2009 г. получали среди руководителей 65,3%, а в 2020 г. — уже всего 47,4%. Для профессионалов соответствующие показатели составляли соответственно 90,3 и 77,8%, для полупрофессионалов и офисных клерков — 83,3 и 70,9%, для рядовых работников торговли — 54,3 и 38,4%, для рабочих — 66,6 и 52,2%. Что касается того, как зависит степень сокращения трудовых прав от формы собственности предприятий и учреждений, то на государственных предприятиях и в бюджетных учреждениях доля не получающих оплату отпуска и больничного в положенном размере выросла с 2009 по 2020 г. почти вдвое (с 9,9 до 17,0%), а на приватизированных — в 1,5 раза (с 18,8 до 27,0%).

Ресурсообеспеченность различных профессиональных групп и ее роль в обеспечении устойчивости их положения в кризис

Обеспеченность работающих россиян такими ключевыми ресурсами, как экономический, квалификационный, властный и социальный⁸, в настоящее время оставляет желать лучшего. Так, осенью 2020 г. обладали хотя бы какими-то сбережениями лишь около четверти россиян (и 27,7% работающих), хотя в относительно благополучные годы их имели обычно около трети опрошенных, и даже после окончания кризиса 2014–2016 гг. их доля превышала 30%⁹. С учетом того, что 15,2% опрошенных представителей массовых слоев населения сказали в сентябре 2020 г., что им уже пришлось потратить большую часть (или все) сбережений семьи в связи с кризисом, такое сокращение численности обладателей экономического ресурса неудивительно.

Доля имеющих властный ресурс среди работающих россиян также сократилась и со времени кризиса 2008–2009 гг., и за последние два года: в 2018 г. им обладали 42,5%, в 2020 г. — 37,9%. Произошло это прежде всего за счет снижения численности тех, кто у себя на работе

⁸ В нашем анализе индикатором экономического ресурса выступало наличие любых сбережений, квалификационного — наличие высшего образования, властного — наличие административного ресурса или ресурса влияния на принятие решений в масштабах предприятия или его подразделения, социального — наличие среди окружения людей, способных оказать поддержку в решении наиболее значимых проблем. Такой набор индикаторов определялся особенностями используемых баз данных и необходимостью обеспечить их сопоставимость за 2009, 2015 и 2020 гг.

⁹ В 2018 г., согласно данным 3-й и 8-й волн Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, сбережения имели 30,5%, а в 2015 г. — 33,4% россиян.

влияет на принятие решений. Однако такие изменения — результат скорее развития тенденций, сформировавшихся еще до последнего кризиса, чем пандемии, поскольку ресурс влияния сократился не в тех группах, которые были в наибольшей степени затронуты переходом на «удаленку» (среди профессионалов, например, он имелся в 2018 г. у 53,6%, а в 2020 г. — у 53,8%), а в тех, положение которых на рынке труда вообще является наименее благополучным все последние годы, — рабочих и рядовых работников торговли (среди них доля имеющих властный ресурс только за последние два года сократилась примерно на 4%)¹⁰. Это означает, что продолжает усугубляться такая специфичная для российской производственной культуры черта, как концентрация всех полномочий у руководящего административно-го ядра вместо распределения их в соответствии с компетенциями сотрудников. Сокращение численности имеющих властный ресурс также негативно сказывается на материальном положении групп работников, и без того находящихся в относительно худших условиях, поскольку современная экономика предполагает наличие рент на властный ресурс даже в форме ресурса влияния [5;12]. Сокращение доли имеющих у себя на работе ресурс влияния усугубляет и проблему отчуждения в труде.

Ситуация с социальным капиталом, понимаемым как ресурс социальных сетей, со времени кризиса 2008–2009 гг. также значительно ухудшилась — численность не имеющих такого ресурса россиян выросла за этот период практически в 1,5 раза. В итоге сейчас почти у половины всех представителей массовых слоев населения нет знакомых, которые могли бы им одолжить сравнительно небольшую (до 100 тыс. руб.) или более крупную сумму денег, помочь устроиться на хорошую работу, продвинуться по карьерной лестнице, устроить детей в хорошую школу или вуз, решить жилищную проблему, найти приработки, хороших врачей, «нужных людей», способных помочь в решении проблем. Как видим, все эти изменения касаются не тех форм социального ресурса, которые могли пострадать от изменения образа жизни в условиях пандемии, а тех, которые связаны с более глубинными и долгосрочными процессами.

С квалификационным ресурсом ситуация обратная — высшее образование имеют все больше россиян. Однако отдача от него еще в середине 2000-х гг. начала сокращаться [6], и в 2010-е гг. эта тенденция сохранилась [15]. В основе этого процесса лежит сохранение дисбаланса профессиональной и образовательной структур общества: в 2019 г. при доле лиц с высшим образованием в 34,2% занятых численность специалистов высшей квалификации составляла лишь 25,0% [20, с. 33, 72], в 2009 г. — 28,4 и 19,0% соответственно (рассчитано по: [17, с. 76]).

¹⁰ В 2018 г. она составляла в этих группах соответственно 31,2 и 21,0%.

В итоге, хотя квалификационный ресурс населения увеличивается, роль его снижается, так что ситуацию с ним можно рассматривать скорее как противоречивую, чем как позитивную.

Сокращение ресурсообеспеченности большинства россиян является логичным следствием глубочайшей социально-экономической дифференциации даже массовых слоев в современном российском обществе. Причем проблема заключается не только в том, что текущие доходы и место в социальной иерархии в целом позволяют одним накапливать ресурсы в их монетарных и немонетарных формах, в то время как другие вынуждены расходовать свои ресурсы («проесть» сбережения, распродавать имущество, терять позиции в социальных сетях из-за невозможности что-то им предложить и т. д.). Не менее важны и институциональные предпосылки такой наглядной реализации поговорицы «деньги к деньгам», которую можно было бы в сложившихся условиях заменить на «ресурсы к ресурсам». К этим предпосылкам относится специфика российской производственной культуры и специфика социальных сетей, «работающих» по принципу не благотворительности, а, пусть и асимметричной, «взаимности». Не менее важной институциональной предпосылкой является и недостаточно активная роль государства в процессах перераспределения совокупных доходов и в решении ряда конкретных проблем (достаточно вспомнить все еще низкий, даже несмотря на его повышение до прожиточного минимума (ПМ), уровень МРОТ, в развитых странах составляющий обычно 1,5 ПМ, и т. д.).

Посмотрим теперь детальнее, как же выглядит в настоящее время в нашей стране ресурсообеспеченность отдельных профессиональных групп (табл. 2).

Как видно из таблицы 2, рассматриваемые профессиональные группы объединяются с точки зрения их ресурсообеспеченности в три макрогруппы: 1) высокоресурсные руководители и профессионалы, 2) занимающие промежуточное положение полупрофессионалы и рядовой офисный персонал и 3) в массе своей низко- и безресурсные рядовые работники торговли и рабочие. Это важно, так как обеспеченность различными ресурсами существенно влияет на адаптационные возможности и устойчивость материального положения человека в кризисных условиях. Так, с потерей работы или ухудшением условий занятости в ходе вызванного пандемией экономического кризиса столкнулось более половины (52,0%) тех, чей социальный ресурс не позволяет получить помощь в трудоустройстве на хорошую работу или карьерном продвижении, и только 38,2% тех, у кого он эти возможности обеспечивает. Соблюдались все основные трудовые права лишь у 36,6% тех, кто не имел ни одного из четырех рассмотренных видов ресурсов, и у 38,9% тех, кто имел только один из них, при 59,8% среди тех, кто имел большинство этих ресурсов, и т. д.

Таблица 2

**Особенности ресурсообеспеченности представителей
различных профессиональных групп, 2020 г., % от числа работающих***

Ресурсы	Руководители	Профессионалы	Полупрофес- сионалы и клерки	Рядовые работники торговли	Рабочие	В целом по работающим
<i>Экономический:</i>						
наличие сбережений	40,0	36,9	27,5	24,1	18,8	27,7
<i>Квалификационный:</i>						
наличие высшего образования	70,4	98,2	6,4	5,4	1,4	32,9
<i>Властный:</i>						
наличие властного ресурса в форме административного ресурса или ресурса влияния¹¹	100,0	53,8	31,5	26,8	17,7	37,9
в том числе в форме ресурса влияния на принятие решений у себя на работе в масштабах организации или своего подразделения	80,0	53,8	31,5	26,8	17,7	36,4
<i>Социальный:</i>						
наличие социального ресурса в любой форме	65,2	68,5	55,4	53,6	51,7	58,0
в том числе в форме помощи в трудоустройстве на хорошую работу или продвижении по карьерной лестнице	26,7	18,9	16,7	11,2	12,7	16,0
в том числе в форме помощи в поиске приработков	23,0	26,1	17,1	21,9	26,5	23,6
<i>Общая ресурсообеспеченность:</i>						
не имеют ни одного из этих ресурсов	0,0	0,6	24,7	31,7	36,1	21,3

*Примечание: Светлым фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают средние по массиву на 5% и более при наличии каких-либо ресурсов, а темным — на 5% и более при их отсутствии. Жирным шрифтом выделены минимальные показатели по строке в первом случае и максимальные — во втором.

¹¹ В качестве имеющих административный ресурс мы рассматривали руководителей любого уровня.

Влияние ресурсообеспеченности профессиональных групп на избираемые их представителями стратегии по улучшению материального положения

Как видим, ресурсообеспеченность заметно сказывается на устойчивости положения россиян в условиях общей нестабильности. Мы проанализировали, как наличие тех или иных ресурсов влияет на избираемые представителями различных профессиональных групп стратегии для улучшения материального положения и насколько изменился их спектр со времени кризиса 2008–2009 гг. За этот период для работающих в целом устойчиво сокращалась популярность трех стратегий: разовые приработки, самостоятельное выращивание продуктов питания и торговля ими (рис. 2).

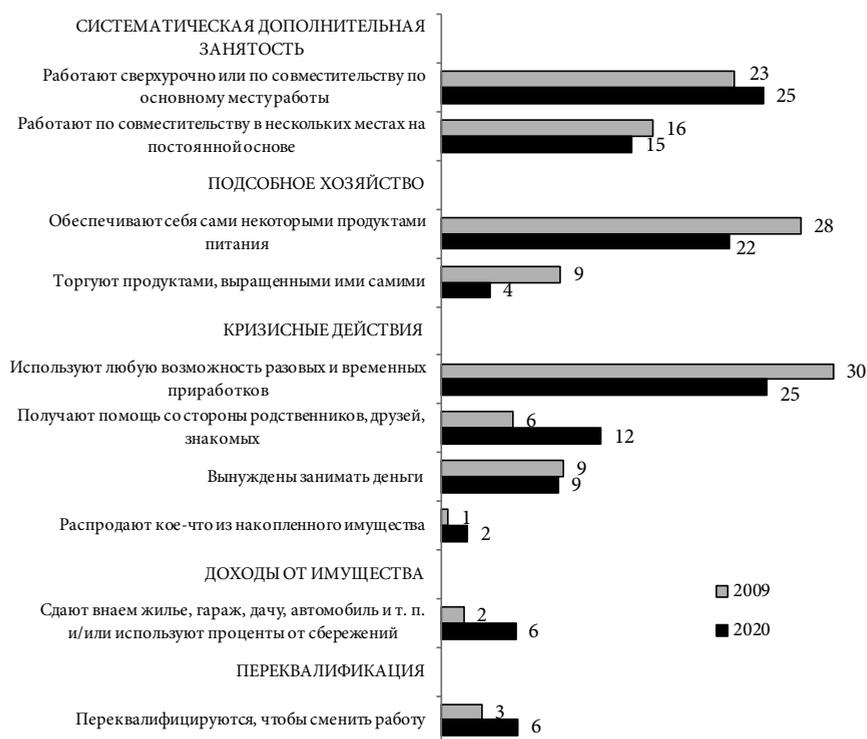

Рис. 2. Динамика распространенности различных действий по улучшению материального положения, 2009–2020 гг., % от работающих¹²

¹² Для группировки действий использовались результаты факторного анализа (метод варимакс), которые продемонстрировали устойчивость таких факторов, как систематическая вторичная занятость, подсобное хозяйство, кризисные действия и доходы от имущества. Перекавалификация в 2020 г., в отличие от 2009 г., выступала в качестве самостоятельного фактора. Учитывая незначительность числа ориентированных на эмиграцию работающих россиян (0,2% в 2009 г. и 1,4% в 2020 г.), мы не включили эту позицию в рисунок.

С учетом в большинстве случаев низкой эффективности этих действий¹³, а также ухудшения институциональных условий для них (профессионализация сектора услуг, уменьшение доли владеющих землей сельских жителей, изменение образа жизни молодежи и т. д.) снижение их распространенности неудивительно. Одновременно несущественно выросли доли практикующих дополнительную занятость по основному месту работы и распродажа имеющегося имущества. Значительно увеличилась при этом доля получающих помощь близких (причем эта доля примерно одинакова во всех доходных группах и связана, скорее, с этапом жизненного цикла респондентов), а также получающих доход от имущества и переквалифицирующихся, хотя приверженцев двух последних стратегий по-прежнему немного, и они чаще принадлежат к относительно благополучным слоям.

В целом, характеризуя динамику наиболее распространенных стратегий по улучшению материального положения, можно зафиксировать сокращение роли рынка труда и рост пассивности и неконструктивных действий (тенденция, на которую применительно к ситуации середины 2010-х гг. уже обращалось внимание в литературе [3]). Из позитивных же тенденций можно отметить только рост числа переквалифицирующихся и получающих доход от своих активов.

Пять представленных на рисунке 2 действий по улучшению материального положения достаточно универсальны (табл. 3).

Как видно из таблицы 3, различия между минимальными и максимальными показателями распространенности тех или иных действий для представителей разных профессиональных групп невелики, хотя статистически значимы. На этом фоне внутригрупповые различия, обусловленные разной ресурсообеспеченностью, играют заметно бóльшую роль. Причем уровень ресурсообеспеченности сказывается как на масштабах и причинах пассивности, так и на характере активности представителей разных профессиональных групп. К сожалению, объем статьи не позволяет нам проиллюстрировать этот вывод применительно ко всем профессиональным группам, поэтому остановимся подробнее только на двух полярных — профессионалах и рабочих.

¹³ Здесь и далее под низкой эффективностью этих способов мы подразумеваем неспособность соответствующих действий привести к качественному улучшению жизни прибегающих к ним индивидов и домохозяйств. Об их низкой эффективности говорит и то, что они чаще встречаются в низкодоходных слоях и среди тех россиян, материальное положение которых характеризуется нисходящей динамикой. Таким образом, это скорее способы замедлить «скольжение вниз», чем способы «подняться вверх».

Таблица 3

Распространенность отдельных действий по улучшению материального положения среди представителей различных профессиональных групп, 2020 г., % от числа работающих*

Действия по улучшению материального положения	Руководители	Профессионалы	Полупрофессионалы и клерки	Рядовые работники торговли	Рабочие
используют любую возможность разовых и временных приработков	24,4	25,5	20,7	25,9	27,0
работают сверхурочно или по совместительству по основному месту работы	25,9	23,7	24,3	26,3	24,7
обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	22,2	19,5	21,1	24,1	23,8
работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	17,0	14,7	12,7	13,4	15,9
получают помощь со стороны родственников, друзей, знакомых	14,8	11,4	11,2	15,2	11,3
вынуждены занимать деньги	6,7	4,8	8,4	11,2	12,2
ничего не предпринимают, так как в этом нет необходимости	16,3	17,4	10,0	9,4	8,2
ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать для улучшения своего положения	11,9	12,6	19,9	16,5	19,3

*Примечание: В таблице приведены наиболее популярные среди работающих россиян в целом действия. Светлым фоном выделены ячейки, показатели в которых минимальны, а темным — максимальны.

Для профессионалов ресурсообеспеченность прямо влияет на распространенность ощущения беспомощности и неспособности сделать что-то самостоятельно для улучшения собственного материального положения. Так, в сентябре 2020 г. среди профессионалов, имевших не более двух из четырех рассмотренных видов ресурсов, 20,0% ничего не предпринимали, так как считали, что ничего не могут сделать для улучшения своего положения. В то же время среди профессионалов с обеспеченностью тремя-четырьмя видами ресурсов этот показатель был втрое ниже (6,6%). Наиболее значимым при этом оказывалось отсутствие ресурса влияния на работе — не имевшие его в разы чаще ничего не предпринимали в силу ощущения собственной беспомощности. Ресурсообеспеченность влияет и на пассивность, вызванную отсутствием потребности в улучшении положения. По данной причине среди профессионалов, имевших не более

двух видов ресурсов, ничего не предпринимали для улучшения своего положения 12,6%, а среди располагавших более широким спектром ресурсов таких было почти вдвое больше (21,2%).

Сходная картина наблюдается и у рабочих. У них также высокоресурсная группа¹⁴ характеризовалась вдвое большей распространенностью пассивности в силу удовлетворенности своим материальным положением. Что же касается пассивности по причине невозможности что-то сделать для улучшения собственного материального положения, то для рабочих решающим было полное отсутствие всяких ресурсов. Если среди не имеющих их почти треть (30,8%) говорили, что ничего не предпринимает для улучшения своего материального положения, то среди тех, кто имел хотя бы какие-то ресурсы, таких было всего 12,8%. При этом относительно более значимым при выборе пассивных стратегий для рабочих, в отличие от профессионалов, было наличие социального ресурса.

Если же говорить о влиянии ресурсообеспеченности на стратегии улучшения положения, то среди профессионалов, обладающих большей частью рассматриваемых ресурсов, наиболее популярен самый эффективный способ — дополнительная занятость по основному месту работы (26,9% против 19,9% у остальных представителей данной группы). У высокоресурсных рабочих на первом месте такая сравнительно малоэффективная форма активности, как самообеспечение себя продуктами питания в подсобном хозяйстве (свыше 40%), на втором — разовые или временные приработки, и лишь на третьем — дополнительная занятость по основному месту работы. И хотя такой выбор во многом объясняется пространственной локализацией рабочих (они чаще проживают в «малой» России, где шире распространены работа с землей и разовые приработки), это все же не повышает эффективности таких форм действий. При этом важно подчеркнуть, что независимо от ресурсообеспеченности рабочих они проявляют для улучшения своего материального положения большую активность, чем профессионалы¹⁵, но даже малоэффективные стратегии доступны лишь наиболее благополучным из них¹⁶. Таким образом, попытки

¹⁴ Применительно к рабочим в силу необязательности для них высшего образования мы ориентировались при определении границы высокой ресурсообеспеченности на наличие двух, а не трех видов ресурсов.

¹⁵ Среднее число способов улучшения материального положения у рабочих — 1,33 при 1,20 у профессионалов.

¹⁶ Так, среди безресурсных рабочих ничего не предпринимает для улучшения своего материального положения 38,4% (при 21,3% у остальных), и почти половина из них не предпринимает никаких конструктивных действий по его изменению. Кроме того, не имеющие никаких из рассмотренных видов ресурсов рабочие лишь в 18,2% случаев используют возможности разовых и временных приработков (при 31,9% у имеющих ресурсы), что связано с ролью социальных сетей в поиске приработков.

изменить свою ситуацию к лучшему даже у наиболее благополучных рабочих требуют больше усилий и приносят при этом меньший результат, чем у профессионалов. Неудивительно поэтому, что субъективный «порог», при котором они начинают проявлять направленную на улучшение своего положения активность, у рабочих выше. Так, если среди профессионалов почти половина (44,8%) не видящих необходимости в усилиях по улучшению своего положения оценивают это положение как хорошее, то в соответствующей подгруппе рабочих таких лишь 11,1%.

С учетом разной эффективности тех или иных стратегий по улучшению материального положения в различных профессиональных группах весьма существенно также, что и среди профессионалов, и среди рабочих (как и среди россиян в целом) с 2008–2009 гг. заметно сократилась активность, связанная с дополнительной трудовой деятельностью (в среднем примерно на 20% у профессионалов и на 15% у рабочих), и одновременно выросла в 2,3–2,4 раза доля пассивных стратегий, связанных с использованием социального ресурса (получение помощи от близких). Выросла в обеих группах и доля вынужденных занимать деньги (с 4,8 до 8,1% у профессионалов и с 10,0 до 12,2% у рабочих). Все это говорит о том, что у представителей всех профессиональных групп становится все меньше возможностей улучшить свое материальное положение за счет способов, предоставляемых рынком труда, а также об активном поиске альтернатив этим исчезающим возможностям.

Выводы

Пандемия и вызванный ею экономический кризис оказали сильнейшее влияние на экономическое положение и занятость россиян, причем наиболее распространенными формами этого влияния стали сокращение доходов и рост нагрузок, а не переход на удаленный режим работы. Значимым последствием нынешнего кризиса стало и ухудшение положения работников в плане их социальной защищенности, что говорит о дальнейшем ослаблении их позиций в отношениях с работодателями. Число работников, чьи основные трудовые права соблюдаются, уже в сентябре 2020 г. было меньше, чем в «пиковые» кризисные 2009 и 2015 гг. Что касается позитивных последствий последнего кризиса, то к ним можно отнести прежде всего повышение внимания россиян к состоянию своего здоровья и освоение ими новых навыков.

Для разных профессиональных групп распространенность тех или иных форм влияния кризиса 2020 г. на их занятость и экономическое положение была неодинакова. Если профессионалы уже в первую волну пандемии массово перешли на «удаленку», то для работников торговли наиболее типичным было падение доходов и несоблюдение их базовых трудовых прав. Однако с наиболее тяжелыми последствия-

ми вызванного пандемией экономического кризиса сталкивались чаще всего рабочие. Особенно характерно это было для рабочих предприятий негосударственного сектора экономики, которые стали наиболее пострадавшей от первой волны пандемии профессиональной группой. Отчасти это объясняется спецификой физического труда, не поддающегося переносу в виртуальное пространство, а отчасти — усилением сформировавшихся за последние 30 лет негативных тенденций, связанных с ослаблением переговорных позиций работников в их отношениях с работодателями. К сожалению, тяжесть удара последнего кризиса именно по рабочим не осознается пока в должной мере ни обществом, ни научным сообществом.

Усложнение положения работающих россиян под влиянием вызванного пандемией экономического кризиса произошло на фоне дальнейшего сокращения ресурсообеспеченности населения. Последнее было связано со снижением числа имеющих не только сбережения (из-за расходования их для компенсации сократившихся или потерянных в кризис 2020–2021 гг. доходов), но и другие значимые ресурсы. Так, уже более 10 лет идет сокращение числа имеющих ресурс влияния у себя на работе, хотя тенденция концентрации властных полномочий только в руководящем административном ядре противоречит глобальным экономическим трендам на широкое распределение полномочий, распространение сетевых структур и т. д. Значимы и социальные последствия усиления этой тенденции (сокращение распространенности рент на властный ресурс, нарастание отчуждения в труде и т. д.). Относительно невелик у россиян и постепенно сокращается также социальный ресурс: осенью 2020 г. он имелся менее чем у половины населения страны (и у 58,0% работающих), причем имеющие этот ресурс начали более активно эксплуатировать его в ходе нынешнего кризиса. С учетом растущей роли ресурса социальных сетей в современной России и его традиционно большой роли в российской культуре такая ситуация говорит об ограниченной возможности у половины населения подстраховаться за счет него в случае необходимости. Что же касается квалификационного ресурса, то, хотя сама по себе распространенность его среди россиян возрастает, отдача от него падает, и он все меньше способен играть в отечественной экономике роль рентопринносящего актива, как это предполагается в концепции человеческого капитала.

Профессиональные группы с точки зрения их ресурсообеспеченности объединяются в три макрогруппы: высокоресурсные руководители и профессионалы, традиционно составляющие в обществах современного типа ядро среднего класса; занимающие промежуточное положение полупрофессионалы и рядовой офисный персонал — обычная в таких обществах основа нижнего среднего класса; в массе своей низко- и безресурсные рядовые работники торговли и рабочие,

большинство которых относится к так называемому «новому рабочему классу». Таким образом, традиционные для позднеиндустриальных обществ классы, если говорить о специфике активов, которыми они располагают, и в России просматриваются достаточно четко. Однако в нашей стране ренты на эти ресурсы относительно невелики, как и объем самих этих ресурсов у большинства их имеющих. Это не только приводит к относительно низкому уровню жизни основной массы россиян и к неустойчивости материального положения даже благополучных на общем фоне ее представителей, но и ставит под вопрос применимость для нашей страны классового подхода к анализу социальной структуры общества, в основе которого лежит именно идея специфичности рент, получаемых разными классами в силу особенностей их ресурсов.

Во многом этим объясняется то, что на фоне общего снижения роли рынка труда и роста роли пассивных и неконструктивных стратегий улучшения материального положения способы поправить его, используемые в современной России представителями разных профессиональных групп, достаточно универсальны. Так, даже в таких полярных профессиональных группах, как профессионалы и рабочие, стратегии по улучшению материального положения близки по показателю их распространенности, хотя рабочие все же несколько чаще профессионалов используют неконструктивные или малоэффективные способы.

Если же говорить о влиянии ресурсообеспеченности на выбор этих способов или отказ от всяких действий по улучшению материального положения в рамках отдельных профессиональных групп, то оно значительно в каждой из них. Так, и для группы профессионалов, и для группы рабочих характерна существенно бóльшая пассивность (в силу невозможности изменить что-то к лучшему) тех, кто обладает небольшими ресурсами или вообще ими не обладает, в сравнении с остальными их представителями. Кроме того, в разы больше в обеих группах среди имеющих ресурсы (против не имеющих) доля тех, кто ничего не предпринимает для улучшения своего материального положения, поскольку удовлетворен им. Однако есть между этими группами и различия, связанные с популярностью отдельных действий среди высокоресурсных их подгрупп. Даже среди высокоресурсных рабочих все еще наиболее популярны самообеспечение продуктами питания с помощью подсобных хозяйств и разовые или временные приработки. В то же время среди высокоресурсных профессионалов наибольшей популярностью пользуются разовые приработки и дополнительная занятость по основному месту работы. Это обуславливает различия в эффективности действий этих групп по улучшению материального положения, а также — с учетом разницы в общей обеспеченности групп ресурсами (наиболее значимым ресурсом влияния у професси-

оналов и социальным — у рабочих) — неодинаковую общую устойчивость их представителей к кризису. Кроме того, существенны различия «порогов» материального положения, побуждающих профессионалов и рабочих к действиям по его улучшению.

Таким образом, новое состояние экономики в целом и рынка труда в частности усиливает дифференциацию групп с разной ресурсообеспеченностью. Эта тенденция прослеживается при сравнении и отдельных профессиональных групп, и внутри них, что отражается не только в разной устойчивости положения их членов в кризисных условиях, но и в специфике их поведенческих стратегий. Усугубляя существующие межгрупповые и особенно внутригрупповые различия, эта тенденция формирует новое пространство структурных позиций на поле жизненных шансов и рисков российского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аврамова Е.М.* Российское население в постсоветский период: опыт кризисов и социальные ресурсы развития. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 208 с.
2. *Бурдые П.* Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
3. *Каравай А.В.* Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX — начале XXI вв. // *Журнал институциональных исследований*. 2020. Т. 12. № 1. С. 144–159. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
5. *Коленикова Н.Д.* Особенности властного статуса занятого населения современной России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 5. С. 214–232. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.12
6. *Лукьянова А.Л.* Отдача от образования: что показывает метаанализ // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2010. Т. 14. № 3. С. 326–348.
7. *Профессии на российском рынке труда* / Отв. ред. Н.Т. Вишневская. Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017. — 159 с.
8. *Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2020*. М.: Росстат, 2020. — 145 с.
9. *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 5–16.
10. *Российский работник: образование, профессия, квалификация* / Под общ. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. — 576 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-0901-2
11. *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Социологические исследования*. 2006. № 9 (269). С. 28–39. DOI:10.17323/1726-3247-2006-3-11-26

12. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014. — 408 с.
13. *Тихонова Н.Е.* Влияние экономического кризиса 2014–2016 гг. на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1–17. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.01
14. *Тихонова Н.Е.* Ресурсообеспеченность массовых слоев населения страны: состояние и динамика в 2008–2020 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021 (в печати).
15. *Тихонова Н.Е., Каравай А.В.* Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84–98. DOI: 10.7868/s0132162518050082
16. Труд и занятость в России. 2019. М.: Росстат, 2019. — 135 с.
17. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2010. М.: Росстат, 2010. — 171 с.
18. *Becker G.S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press, 1964. — 187 p.
19. *Goldthorpe J.* The Social Grading of Occupations: A New Approach and Scale. Oxford: Clarendon Press, 1974. — 188 p.
20. International Standard Classification of Occupations: ISCO-08. International Labour Office. Geneva: ILO, 2012. — 420 p.
21. *Sørensen A.B.* Toward a Sounder Basis for Class Analysis // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. No. 6. P. 1523–1558.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихонова Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (903) 729-05-39. **Электронная почта:** netichon@rambler.ru

Дата поступления: 12.01.2021.

SOTSIOLIGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.
VOL. 27. No. 2. P. 46–67. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086

*NATALIA E. TIKHONOVA*¹

¹ National Research University Higher School of Economics.
20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

CONSEQUENCES OF THE 2020–2021 CRISIS FOR DIFFERENT PROFESSIONAL GROUPS IN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The economic crisis caused by the pandemic has had a profound impact on the economic situation and the employment of Russians. However the most common among its consequences appeared to be pay cuts and increased workload rather than the transition to telecommuting. The social security of employees has also decreased. Meanwhile

certain effects of the crisis were present within different professional groups to varying degrees. Manual workers, especially those employed in the private sector of the economy, were, relatively speaking, more prone to face the most severe consequences. Working Russians' situation deteriorated parallel to a further decline in their resourcefulness. From this perspective, the working portion of the general population is divided into three groups: high-resource managers and professionals; semi-professionals and ordinary office personnel occupying an intermediate position in terms of their recourses; mostly low-resource and no-resource trade and manual workers. Since the gains on resources in Russia for members of the mass layer of the population are relatively small and tend to decline in all of them, the role of the labor market in the strategies that Russians employ in order to improve their well-being is gradually decreasing, while the spread of passive and non-constructive strategies is growing. The low resourcefulness of the country's general population also causes universality of means to improve material status among members of different professional groups. At the same time, within the different professional groups individual resourcefulness significantly affects the choice of means for improving material status, or the refusal to take any actions for that purpose. This, taking into account the specifics of the resources possessed by members of different professional groups, ensures their unequal resistance to consequences of the crisis and different effectiveness of their actions when it comes to improving their situation, which leads to the differences between them deepening even further.

Keyword: professional groups; consequences of the pandemic; resources; resourcefulness; adaptation strategies.

For citation: Tikhonova, N.E. Consequences of the 2020–2021 Crisis for Different Professional Groups in Russian Society. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 46–67. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8086

The study was conducted under support of the Russian Science Foundation (Project No. 17-78-20125-П).

REFERENCES

1. Avraamova E.M. *Rossiiskoe naselenie v postsovetskii period: opyt krizisov i sotsial'nye resursy razvitiya*. [Russian population in the post-Soviet period: experience of crises and social resources of development.] Moscow: Delo RANEPА publ., 2018. 208 p. (In Russ.)
2. Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. (In Russ.)
3. Karavai A.V. Changes in the Russians' Strategies of Socio-Economic Adaptation in the Late XX — Early XXI Centuries. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 144–159. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159 (In Russ.)
4. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. [Russ. ed.: *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Transl. from Eng.; Ed. by O.I. Shkaranan. Moscow: GU VShE publ., 2000. 608 p.]
5. Kolennikova N.D. Characteristics of the power status of employed population in modern Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskii i sotsial'nye peremeny*. 2017. No. 5. P. 214–232. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.12 (In Russ.)
6. Luk'yanova A.L. Return on education: what the meta-analysis shows. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2010. Vol. 14. No. 3. P. 326–348. (In Russ.)
7. *Professii na rossiiskom rynke truda*. [Professions in the Russian labor market.] Ed. by N.T. Vishnevskaya. Moscow: Izd. dom NIU VShE publ., 2017. 159 p. (In Russ.)
8. *Rabochaya sila, zanyatost' i bezrabotitsa v Rossii — 2020*. [Labor force, employment and unemployment in Russia — 2020.] Moscow: Rosstat publ., 2020. 145 p. (In Russ.)

9. Radaev V.V. The concept of capital, forms of capital and their conversion. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2003. No. 2. P. 5–16. (In Russ.)
10. *Rossiiskii rabotnik: obrazovanie, professiya, kvalifikatsiya*. [Russian worker: education, profession, qualification.] Ed. by V.E. Gimpel'son, R.I. Kapelyushnikov. Moscow: Izd. dom NIU VShE publ., 2011. 576 p. (In Russ.) DOI:10.17323/978-5-7598-0901-2
11. Tikhonova N.E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2006. No. 9 (269). P. 28–39. DOI: 10.17323/1726-3247-2006-3-11-26 (In Russ.)
12. Tikhonova N.E. *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'*. [Social structure of Russia: theory and reality.] Moscow: Novyi khronograf publ., 2014. 408 p. (In Russ.)
13. Tikhonova N.E. The Impact of the 2014–2016 economic crisis on the employment of Russian. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2017. No. 2. P. 1–17. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.01 (In Russ.)
14. Tikhonova N.E. Resourcefulness of the Mass Strata of Population: State and Dynamics in 2008–2020. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2021 (in print). (In Russ.)
15. Tikhonova N.E., Karavai A.V. Dynamics of some indicators of Russians' general human capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018. No. 5. P. 84–98. DOI: 10.7868/s0132162518050082 (In Russ.)
16. *Trud i zanyatost' v Rossii. 2019*. [Labor and employment in Russia. 2019.] Moscow: Rosstat publ., 2019. 135 p. (In Russ.)
17. *Ekonomicheskaya aktivnost' naseleniya Rossii (po rezul'tatam vyborochnykh obsledovaniy). 2010*. [Economic activity of the population of Russia (according to the results of sample surveys). 2010.] Moscow: Rosstat publ., 2010. 171 p. (In Russ.)
18. Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press, 1964. 187 p.
19. Goldthorpe J. *The Social Grading of Occupations: A New Approach and Scale*. Oxford: Clarendon Press, 1974. 188 p.
20. *International Standard Classification of Occupations: ISCO-08. International Labour Office*. Geneva: ILO, 2012. 420 p.
21. Sorensen A.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis. *American Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105. No. 6. P. 1523–1558.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia E. Tikhonova — Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Leading Researcher, Institute of Social Policy, NRU Higher School of Economics.
Phone: +7 (903) 729-05-39. **Email:** netichon@rambler.ru

Received: 12.01.2021.
